

DOI: 10.31857/S086919080020807-4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ ПО ОКАЗАНИЮ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ
И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

© 2023

Д.А. ПАХОМОВА ^а^а – МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-5318-0733; darpakhom@yandex.ru

Резюме: Оказание Россией гуманитарного содействия направлено на широкий круг регионов и стран мира, а в отдельных случаях даже становится знаковой чертой российской международной деятельности. Предоставление Российской Федерацией гуманитарной помощи пострадавшему в ходе вооруженного конфликта населению Сирийской Арабской Республики продолжается уже более десяти лет, на протяжении которых возрастала степень российского участия в урегулировании кризиса в различных измерениях: от политико-дипломатического до военного. Растущей динамикой российской вовлеченности характеризуется также затяжной конфликт на Донбассе, при этом сирийский случай, как утверждает автор, более показателен для оценки российской гуманитарной работы, в первую очередь потому, что в отличие от населения Донбасса сирийцы не рассматриваются Россией в качестве соотечественников. Это позволяет, составив общее представление о российском подходе к оказанию гуманитарной помощи, выявить уникальные особенности российского гуманитарного опыта, проследить динамику предоставления гуманитарной помощи в зависимости от степени вовлеченности России в события «на земле». Российская деятельность по оказанию гуманитарной помощи постоянно выстраивается на сильной государственной основе, со склонностью к двустороннему – нежели многостороннему – взаимодействию; кроме того, в ряде аспектов она в значительной степени ориентирована и на российских граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или опасности. Все это позволяет считать, что при оказании гуманитарной помощи Российская Федерация руководствуется интересами укрепления собственных позиций, что вполне соответствует вильсонскому подходу к гуманитарной помощи. Однако некоторые российские инициативы на гуманитарном направлении (например, вывоз детей из Сирии и Ирака) не несут никакой очевидной практической выгоды, более того, могут вызывать споры и весьма неоднозначное отношение даже внутри страны. Поэтому такие инициативы мотивированы, как представляется, преимущественно моральными установками, что не вполне характерно для действий государства при реалистском понимании его природы.

Ключевые слова: Россия, Сирия, ООН, гуманитарная помощь, сирийский конфликт, репатриация детей.

Для цитирования: Пахомова Д.А. Деятельность России по оказанию гуманитарной помощи и ее особенности на примере сирийского конфликта. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 37–49. DOI: 10.31857/S086919080020807-4

RUSSIA'S HUMANITARIAN ACTIVITY
AND ITS DISTINCTIVE FEATURES: SYRIAN CONFLICT CASE

© 2023

Daria A. PAKHOMOVA^a^a – MGIMO University of International Relations, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5318-0733; darpakhom@yandex.ru

Abstract: *Russia's humanitarian aid is aimed at a wide range of countries and sometimes becomes a distinctive feature of Russia's international activity. Russia has been giving assistance to the population of war-torn Syria for more than a decade, with the growing extent of engagement in the process of conflict settlement. The Donbass conflict is also characterized by progressive dynamics of Russian involvement. However, in the author's view, the Syrian case is more demonstrative for estimating Russia's humanitarian work, first of all because Russia does not regard Syrians as compatriots, which is the case with the people of Donbass. This allows to shape a general view of the Russian approach to humanitarian assistance and to specify unique features of the country's humanitarian experience, following the dynamics of Russia's humanitarian aid depending on the depth of its engagement in the events "on the ground". Russia's humanitarian work is strongly state-based; there is an inclination towards bilateral – rather than multilateral – interaction. Moreover, in many aspects Russia's humanitarian activity is still mainly focused on Russian citizens who have found themselves in a dangerous situation. These are the reasons to consider that the Russian Federation is driven by the interest of strengthening its own positions in its humanitarian efforts. Such pattern falls into the Wilsonian approach to humanitarian aid. However, some Russian humanitarian initiatives (for example, repatriation of children from Syria and Iraq) entail no evident practical benefit for the country and are allegedly motivated only by moral incentives. This is not typical of a state if analyzed within the realist concept.*

Keywords: Russia, Syria, UN, humanitarian aid, Syrian conflict, repatriation of children.

For citation: Pakhomova D.A. Russia's Humanitarian Activity and Its Distinctive Features: Syrian Conflict Case. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 1. Pp. 37–49. DOI: 10.31857/S086919080020807-4

Усилия по гуманитарному сотрудничеству приобретают особое значение в условиях вооруженных конфликтов. Оказываемая государствами гуманитарная помощь, помимо пользы для пострадавшего в ходе конфликтов населения, служит также достаточно эффективным дипломатическим инструментом, являясь средством продвижения положительного образа страны-донора. В этой связи возможно говорить о гуманитарной работе как одном из способов наращивания «мягкой силы».

Для российской гуманитарной деятельности широким полем стал сирийский кризис, начавшийся с протестных выступлений на волне «арабской весны» в 2011 г., быстро переросший в гражданскую войну, а затем в транснационализированный конфликт [Степанова, 2018, с. 139]. Вынужденно перемещенным оказалась огромная доля населения Сирийской Арабской Республики (САР), общая же его численность существенно сократилась. Именно сирийский конфликт представляется удобной темой для анализа гуманитарной деятельности Российской Федерации и выявления ее особенностей. Тому есть несколько причин.

Прежде всего, Россия постоянно оказывает гуманитарную помощь САР с 2012 г., при этом концептуально Ближний Восток не является в российской внешней политике приоритетным регионом, т.е. согласно направляющим внешнеполитическим документам, прежде

всего Концепции внешней политики России 2016 г. [Концепция внешней политики..., 2016], Ближний Восток условно уступает по шкале приоритетов другим регионам. Так, в разделе «Региональные приоритеты внешней политики Российской Федерации» Ближний Восток назван после постсоветского пространства и целого ряда азиатских, европейских, североамериканских стран и объединений. Этим сирийский пример существенно отличается от случая Донбасса, куда российская гуманитарная помощь направляется с 2014 г.: регион относится к постсоветскому пространству, имея непосредственную границу с Россией, входил в число внешнеполитических приоритетов. До начала (24 февраля 2022 г.) специальной военной операции по защите населения Донбасса и на ее начальных этапах Россия категоризировала население этого региона как соотечественников; в дальнейшем, после вхождения в состав Российской Федерации четырех новых субъектов (30 сентября 2022 г.), речь идет уже о защите и помощи собственным гражданам на своей же территории. Таких особенностей в случае сирийского конфликта нет, а значит, гуманитарная деятельность России в САР, вероятно, в большей степени соответствует российскому подходу к этому направлению, который применялся бы в отношении большинства стран мира.

Вместе с тем стоит отметить, что вовлеченность российских вооруженных сил в сирийские события «на земле» оказывает влияние и на гуманитарный курс России. Впрочем, учитывая тот факт, что российская военная операция в САР началась лишь во второй половине 2015 г., открывается возможность для сравнения российских гуманитарных усилий до и после начала операции.

Кроме того, на основе анализа более чем десятилетнего процесса оказания гуманитарной помощи САР возможно охарактеризовать не только подход России к гуманитарному направлению, но также выявить ряд уникальных инициатив, развитие которых может представлять интерес, с одной стороны, для России в плане продвижения гуманитарной составляющей собственной внешней политики, с другой стороны – с точки зрения опыта для развития гуманитарного измерения внешнеполитической деятельности в целом.

Настоящее исследование посвящено выявлению основных черт гуманитарных усилий России на основе изучения гуманитарной деятельности в ходе сирийского конфликта. Предпринимается также попытка оценить отдельные российские гуманитарные инициативы в Сирии.

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ

С точки зрения мотивации и на основе источников финансирования гуманитарная деятельность может быть категоризирована на:

- вильсонизанскую (по имени президента США В. Вильсона) – основывается на государственном финансировании и направляется в те регионы (и, возможно, тем группам населения), которые определяет государство-донор;

- дюнантистскую (по имени основателя «Красного креста» А. Дюнана) – ее оказывают организации, не зависящие (или в наименьшей степени зависящие) от государственного участия в их деятельности [Stoddard, 2003; Иванов, 2014];

- выделяют также религиозную основу гуманитарного содействия (такой можно назвать гуманитарную работу различных религиозных объединений, включая, например, Русскую Православную Церковь). В контексте анализа гуманитарных усилий, предпринимаемых государствами, религиозное обоснование можно, вероятно, не без допущений, рассматривать в качестве основы гуманитарной работы, проводимой Святым Престолом, а также такими не светскими государствами, как Бахрейн, Иран, Саудовская Аравия.

Данные категории представляются достаточно удобными для формулирования обобщений, вместе с тем автор полагает, что на практике гуманитарная деятельность сочетает эти подходы таким образом, что при анализе гуманитарных усилий в целом возможно точно выявить доминирующий из трех подходов (так, гуманитарная работа государств будет преимущественно вильсонианской), в то время как отдельные инициативы и проекты могут не вполне вписываться в него или даже вступать с ним в противоречие.

Анализ мотивации того или иного государства при оказании гуманитарной помощи практически всегда связывается с определением его национальных интересов – это вполне соответствует видению международных отношений в рамках реализма. Данный подход не лишен оснований: действительно, при предоставлении помощи государства предпочитают направлять ее своим партнерам или дружественным странам. В то же время представляется, что проекция собственных интересов не может служить единственным объяснением гуманитарных усилий государств, во-первых, потому, что само понятие национального интереса является весьма расплывчатым. В гуманитарном контексте в особенности возможны многочисленные манипуляции формулировками интереса: от узкого стремления добиться лояльного отношения со стороны отдельных групп населения страны до широкой заинтересованности в благополучной обстановке в той или иной стране, регионе. Во-вторых, представляется, что прагматическая заинтересованность государств и желание укрепить собственные позиции не могут являться единственным драйвером гуманитарной деятельности: это средство весьма ненадежно, требует временных и финансовых затрат. Более того, оно сопряжено со значительными рисками, включая снижение эффективности госуправления и нарастание конфликтного потенциала в стране-реципиенте [Бартенев, 2020, с. 93–95]. Вероятно, даже на государственном уровне имеет значение моральный импульс, подкрепляемый также имиджевыми соображениями.

Практические шаги России по гуманитарной помощи и сотрудничеству предпринимаются сегодня на фоне нарастающей официальной критики концепции «ответственности по защите» (R2P), которая традиционно – и небезосновательно (что, в частности, нашло подтверждение в 2011 г. во время событий в Ливии) – считается в российской дипломатии лишь предлогом для осуществления вооруженных вторжений с целью смещения легитимных правительств. В то же время на академическом уровне отмечается, что собственно российские гуманитарные действия в общем соответствуют духу концепции R2P [Степанова, 2018, с. 131–132; Барановский, 2018, с. 116–118]. Поэтому представляется, что главная причина непринятия Россией R2P кроется не в самих заложенных в ней принципах, а в противостоянии продвижению коллективным Западом «гуманитарных интервенций», которые, не будучи четко определенными общепризнанными международными документами [Шайымбетова, 2009], могут служить реализации отнюдь не гуманитарных целей отдельных государств, а «ответственность по защите» становится предлогом для подобных противоправных вторжений. На практике российская гуманитарная деятельность заключается в основном в оказании гуманитарной помощи населению и содействии властям других стран в борьбе с бедствиями различного характера.

ПОДХОД РОССИИ К ОКАЗАНИЮ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ

Оказание гуманитарной помощи является специфическим направлением внешней политики России, которому в 2007 г. было создано документальное оформление: разработана Концепция участия России в содействии международному развитию (сейчас действует редакция 2014 г.) [Концепция, 2014]. Существенное внимание гуманитарной помощи уделяется в многосторонних международных институтах – прежде всего ООН. В рамках

ООН Россия участвует в оказании гуманитарной помощи странам Ближнего Востока и Африки. Главными реципиентами являются Палестина, Сомали, Йемен, Кения, Судан, Ливия, Ливан (с 2006 г.), Чад, ДР Конго. Последние три страны получают также продовольственную помощь [Степанова, 2018, с. 154–157]. В ООН Россия стремится придерживаться общего международного консенсуса относительно оказания гуманитарной помощи, а также проведения гуманитарных интервенций при условии согласия властей страны, где интервенции должны осуществляться. При этом Россия не занимает лидирующих позиций по объему направляемых на гуманитарную помощь ресурсов. Это можно объяснить, во-первых, достаточно широким международным участием в решении гуманитарных проблем по линии ООН, а во-вторых, недостаточно сильной заинтересованностью в финансовых затратах и продвижении себя как страны-донора. Такая заинтересованность в основном проявляется, когда необходимость в гуманитарной помощи возникает в странах и регионах, являющихся внешнеполитически приоритетными для Российской Федерации, прежде всего на постсоветском пространстве. Впрочем, исключение из этого обобщения представляет, например, оказание Россией помощи Ливану по линии международных организаций с 2006 г.: население страны пострадало в результате военных столкновений вооруженных сил Израиля и ливанской «Хизболлы» [Ктиторова, 2009, с. 156]. При этом вряд ли можно говорить о существенной вовлеченности России в дела ближневосточного региона в середине 2000-х гг. С ожесточением сирийского конфликта, в урегулирование которого, впрочем, Россия с 2012 г. активно включилась, помощь Ливану была увеличена. Достаточно интенсивная российская гуманитарная деятельность по оказанию помощи государствам Ближнего Востока вписывается в более широкую тенденцию: так, с 2011 г. ближневосточные страны получили почти 16% от общего объема официальной помощи развитию, при этом их доля в численности населения планеты существенно меньше – около 5 % [Бартенев, 2020, с. 42–43]. Стоит, впрочем, оговориться, что названная тенденция проявилась в основном в деятельности стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а помощь направлена была как официальным властям, так и различным формированиям (в том числе незаконным вооруженным). С последним связано существенное отличие от российской работы по оказанию помощи: она всегда согласована с властями страны-реципиента.

Что касается регулярности оказания гуманитарного содействия, то такую помощь от России можно разделить на постоянно оказываемую и ситуативную (кризисную). Последняя касается не только сглаживания последствий вооруженных конфликтов, но также помощи в условиях стихийных бедствий, аварий, чрезвычайных ситуаций. На двусторонней основе постоянную помощь со стороны России получают Армения, Киргизия (наибольшие объемы на постсоветском пространстве), КНДР, Никарагуа, Таджикистан. Стабильно одним из крупнейших реципиентов российской помощи является Куба. Также помощь от России получают Вьетнам, Гвинея, Мадагаскар [Петухова, 2018].

Примеров ситуативной российской помощи различным странам немало. Так, в 2004 г. Россия выделила свыше 300 млн долларов на помощь странам Южной и Юго-Восточной Азии по ликвидации последствий цунами [Barnett, 2005, p. 723], направила в пострадавшие районы бригады врачей и спасателей, хотя все равно не вошла в «десятку» государств, выделивших наибольшие объемы средств – ими стали в основном главные торговые партнеры пострадавших стран [Иванов, 2014]. МЧС России имеет существенный опыт помощи иностранным государствам в тушении крупномасштабных пожаров: авиация МЧС помогала в ликвидации пожаров и их последствий Индонезии (2006, 2015 гг.), Греции, Черногории, Болгарии и Сербии (2007 г.; отдельно Сербии в 2017 и 2019 гг.), Израилу (2010, 2016 гг.), Португалии (2016 г.), Армении (2017 г.) [Как авиация МЧС России..., 2021]. Отдельным

направлением стало оказание помощи в борьбе с эпидемиями, причем масштабное содействие другим странам в борьбе с новой коронавирусной инфекцией COVID-19 – не первый российский опыт такого рода. Так, в 2014 г. Россия активно содействовала странам Африки (Гвинее, Либерии, Сьерра-Леоне) в борьбе с лихорадкой Эбола; российские ученые впоследствии разработали наиболее эффективный препарат против этого заболевания [Патент недели..., 2016]. Впрочем, последнее, хотя и получило освещение в СМИ, не было в достаточной степени использовано для целей публичной дипломатии. Кроме того, как и в случае с Ливаном в 2000-е гг. практической выгоды от нормализации эпидемиологической обстановки в африканских странах Россия не имела. Это позволяет предполагать, что моральные стимулы в данных случаях были весьма существенными мотиваторами оказания помощи. Российская гуманитарная помощь также направлена на облегчение жизни людей, пострадавших от конфликтов, вновь преимущественно на постсоветском пространстве: примерами служат Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах. Наиболее масштабная гуманитарная поддержка со стороны России непрерывно оказывается с 2014 г. населению Донбасса.

С организационной точки зрения оказываемая Россией как на двустороннем уровне, так и через международные организации гуманитарная помощь носит вильсонский характер, так как именно государство выделяет бюджетные средства на гуманитарные цели. В то же время, учитывая непрямой характер оказания помощи через международные организации, можно отнести ее и к дьюнантистской модели, ведь в этом процессе государство, по сути, лишено возможности прямого влияния на тех, кому помощь направляется [Rodenhäuser, 2018, p. 128]. Стоит, впрочем, отметить, что гуманитарные агентства ООН в своей работе зависят от решений и позиций тех или иных государств (обладающих финансовыми рычагами влияния), в связи с чем их работу невозможно считать неполитизированной – скорее, в данном случае намного сложнее определить критерии для оценки степени политизации. Это проявлялось, в частности, в ходе сирийского конфликта: прочное закрепление гуманитарных проблем в повестке дня СБ ООН иногда рассматривается как намеренная политизация гуманитарной тематики, так как это происходило по инициативе отдельных государств [Ходынская-Голенищева, 2019, с. 273–275]. Россия скорее не поддерживает идею транснационализации оказания гуманитарной помощи, ориентируясь на более узкие форматы с четко очерченным кругом акторов.

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ В СИРИИ

Сирийский конфликт, в дипломатическое урегулирование которого Россия активно вовлечена с 2011–2012 гг., принес массовые бедствия населению САР. Сирия на сегодняшний день является единственной страной мира, в которой вынужденно перемещенным оказалось большинство населения (в 2020 г. численность покинувших страну сирийских беженцев превысила 6,5 млн; более 7 млн чел. оказались внутренне перемещенными [Вавилов, 2021, с. 12]). Само же население Сирии сократилось с 2011 г. почти на 30 %; при этом наиболее ощутимый рост этого показателя наблюдался в 2012–2015 гг., и именно сирийские события привели к росту общемировой численности вынужденно перемещенного населения: в 2016 г. эта категория составила 1 % населения всего мира [Громогласова, 2018, с. 98].

Уже в 2011 г. Россия заняла четкую позицию относительно происходящего в Сирии, последовательно блокируя в Совете безопасности ООН принятие резолюций, наподобие ливийской 1973 г. [Резолюция 1973..., 2011], расширительная трактовка которой странами НАТО, а также некоторыми монархиями Персидского залива, позволили под знаменем

гуманитарной интервенции разрушить ливийское государство, никак не облегчив, а только усугубив страдания мирного населения. В 2012–2015 гг. Россия затратила на помощь Сирии 182 млн рублей. В то же время силы МЧС России (а именно подведомственная организация «Агентство по обеспечению и координации российского участия в международных гуманитарных операциях «Эмерком») направляли в Латакию грузы с гуманитарной помощью сирийскому населению с марта 2012 г. (порядка 20 рейсов), а также вывозили людей с 2013 г. В январе 2013 – сентябре 2015 гг. из Сирии в Россию вывезено почти 1400 человек, около тысячи из которых – граждане России, остальные – стран СНГ; доставлено свыше тысячи тонн гуманитарных грузов [Миллионы на Асада..., 2015]. Опыт организации вывозных рейсов в критической ситуации оказался весьма полезным в 2020–2021 гг., когда Россия столкнулась с проблемой возвращения своих граждан из большинства стран мира.

Вторая половина 2015 г. ознаменовалась началом нового этапа российского участия в сирийском урегулировании: с принятием решения о вводе в САР российских вооруженных сил с целью помощи правительственным войскам в борьбе с терроризмом [Надыкто, 2015] началось российское участие в сирийских событиях «на земле». В этой связи было активизировано и оказание гуманитарной помощи, а помимо МЧС, ее организацией стало заниматься Министерство обороны. С 2015 г. оказание Россией гуманитарной помощи САР теснейшим образом сопрягается с военной операцией и присутствием российских военных. За 2015–2021 гг. Россия провела в Сирии свыше 3 тыс. гуманитарных акций, раздав более 5 тыс. тонн продовольствия и лекарств [Россия доставила в Сирию..., 2021]. Активизация гуманитарной помощи населению, следующая за приходом на территорию российских вооруженных сил, наблюдалась на Донбассе и в украинских городах с февраля 2022 г., с момента начала российской спецоперации на Украине, что подтверждает склонность страны наращивать гуманитарные усилия на фоне повышения степени вовлеченности в события на «земле», а значит, и осознания доли ответственности за гуманитарную ситуацию, помимо стремления обеспечить лояльность населения.

В феврале 2016 г. был создан Координационный центр по примирению враждующих сторон (с 2018 г. – Центр по примирению враждующих сторон и контролю за перемещением беженцев в САР (ЦПВС)), располагающийся на авиабазе Хмеймим. Деятельность ЦПВС начиналась с российско-американской договоренности о прекращении огня: именно контроль и расширение соблюдения режима прекращения огня и были первоначальными задачами Центра наряду с координацией действий с международными организациями для оказания гуманитарной помощи и возвращения беженцев. Более того, большинство российских военнослужащих, работавших в Центре, имело опыт участия в миротворческой деятельности [На авиабазе Хмеймим..., 2016]. Так, ЦПВС, по сути, сочетал оказание гуманитарной помощи с миротворческими функциями. С одной стороны, Центр – государственная структура, созданная во исполнение межгосударственной договоренности, с другой стороны – гуманитарные усилия ЦПВС направлены на широкие массы населения Сирии: без различия по религиозной принадлежности и политическим предпочтениям.

О разгроме террористической группировки «Исламское государство» (запрещена в РФ) Россия объявила в декабре 2017 г. [«Полный разгром»..., 2017], однако с завершением наиболее активной фазы военной операции и вывода значительной части российских военных из САР не завершились ни присутствие России в Сирии, ни российские гуманитарные действия. С 2018 г. уже взят курс на стабилизацию обстановки на местах и постконфликтное восстановление САР, что можно считать новым этапом российского участия в разрешении сирийского кризиса, включая и гуманитарное направление. При этом стоит отметить, что по мере обретения сирийскими правительственными силами полного контроля над территориями, российская гуманитарная помощь на этих территориях сокращалась [Robinson, 2021],

т.е. российские гуманитарные акции ориентированы на неподконтрольные властям и опасные районы, а в ситуациях, когда правительство способно удерживать территорию, Россия снижает свою вовлеченность. В данном случае, с учетом специфики российско-сирийских отношений, это, вероятно, еще и демонстрация уважения суверенитета [Барановский, 2018, с. 118–119] и подчеркнутое нежелание проявлять чрезмерную гуманитарную активность. В то же время посредством гуманитарной активности, подкрепленной присутствием «на местах» российских военных, удалось наладить диалоги с различными этническими и конфессиональными группами в различных районах САР, что вносит вклад в стабилизацию обстановки, в т.ч. в области восстановления хозяйственных связей: формируется так называемая «матрица безопасности» – многомерный подход к поддержанию безопасности и переходу к постконфликтному восстановлению САР [Матвеев, 2022].

Отдельного упоминания заслуживает российская помощь, оказанная сирийцам в борьбе с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. По состоянию на конец 2021 г. показатели заболеваемости COVID-19 в Сирии были невысокими по сравнению с соседними странами, однако САР отличалась самыми высокими показателями летальности [Матвеев, 2021]. Наиболее ощутимую помощь (в виде поставок медикаментов, медицинского оборудования) САР оказали Россия, а также Китай и Индия [Legal Briefing..., 2020]. В 2021 г. Сирии удалось организовать вакцинацию населения против COVID-19 в общенациональном масштабе, хотя ее темпы были крайне медленными, что связано во многом с тем, что в ходе конфликта было уничтожено около трети медицинской инфраструктуры страны, не хватало кадров. Уже в начале 2021 г. в Дамаск и Латакию были доставлены первые партии российского препарата «Спутник V», а также ПЦР-тесты и другие медицинские средства. Борьбу с вирусом в Сирии осложняла военно-политическая ситуация: тот факт, что правительство не полностью контролировало территорию страны, нехватка финансирования, а также традиционные предрассудки некоторых групп населения, связанные с недоверием не столько к конкретным медицинским препаратам, сколько к научно обоснованной медицине в целом (хотя стоит помнить, что в САР эта проблема менее ощутима, чем во многих других странах региона, отличающихся менее светским общественным укладом). Что касается России, то следует учитывать, что САР являлась далеко не единственным реципиентом антиковидной помощи: уже в мае 2020 г. Россия оказывала такое содействие как минимум 26 государствам: это страны СНГ и Абхазия, Сербия, Босния и Герцеговина, Италия, Китай, КНДР, Монголия, Венесуэла, США, Джибути, Гвинея, ДР Конго. На Ближнем Востоке и в Северной Африке, помимо Сирии, российскую помощь получили Алжир, Иран, Ливан [Шакиров, 2020]. В отличие от ситуации с лихорадкой Эбола 2014 г., эти усилия были широко освещены как в российских, так и в зарубежных СМИ, что способствовало продвижению позитивного образа России и повышению внимания к гуманитарной составляющей международной деятельности.

Российская гуманитарная помощь Сирии, как и другим странам, оказывается «от государства к государству», все действия на этом направлении полностью согласовываются с правительством. При этом 81 % оказываемой Россией помощи направлялся в Сирию через государственные институты, а лишь 19 % через негосударственные фонды и другие НПО [Robinson, 2021]. Более того, на многостороннем уровне в рамках ООН Российская Федерация (в 2013–2014 гг., и регулярно после начала военной операции в САР в 2015 г.) открыто противилась тому, чтобы поставки гуманитарной помощи под эгидой ООН направлялись в САР без согласования или без ведома официальных властей [Россия назвала..., 2017], опасаясь использования гуманитарной помощи для оказания содействия террористам [Briefing Security Council..., 2021]. О тяготении России к суверенизации гуманитарной помощи свидетельствуют и события июля 2022 г., когда Россия применила право вето (Китай

воздержался, остальные постоянные члены СБ ООН голосовали («за») при голосовании по проекту резолюции о функционировании пограничных переходов в САР для доставки гуманитарной помощи. Категоричный подход России связан с невыполнением важного условия: осуществление поставок через линии соприкосновения по территории Сирии, а не из-за рубежа [РФ использовала в СБ ООН..., 2022]. Разделяя позицию России и Китая, сами сирийские власти выступают за постепенное сворачивание работы погранпереходов, в то время как государства Запада ориентируются на транснационализацию помощи. Так, несмотря на то, что Россия неизменно подчеркивает руководящую роль ООН в международных отношениях и урегулировании конфликтов, в области оказания гуманитарной помощи для России предпочтительнее путь двустороннего взаимодействия (или взаимодействия в рамках *ad hoc* механизмов), нежели направление помощи через агентства ООН. Это связано и с недостаточной, по мнению России, прозрачностью работы последних как в плане распределения финансовых средств, так и в отчетности о конкретной деятельности «на земле» [Ходынская-Голенищева, 2019, с. 270].

ВЫВОЗ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ ИЗ СИРИИ: МОТИВАЦИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Уникальное направление российской гуманитарной деятельности в контексте сирийского конфликта и борьбы с радикализацией связано с вывозом из САР и Ирака детей граждан России, которые оказались втянутыми в террористическую деятельность в этих странах. Важно сразу подчеркнуть, что это направление является весьма специфическим, потому что носит, по сути, избирательный характер: оно связано с детьми граждан России, а значит, может быть продиктовано внутривнутриполитическими (или даже внутрисоциальными) соображениями, направлено внутрь российского общества.

Поиском и репатриацией несовершеннолетних россиян занимается специальная Межведомственная рабочая комиссия во главе с Уполномоченным при Президенте России по правам ребенка. Что касается Ирака, то работа по вывозу оттуда российских детей была завершена в 2019 г.; всего было вывезено 122 ребенка [Вавилина, 2019]. Количество российских несовершеннолетних, оказавшихся в Сирии, существенно больше, чем в Ираке, и усилия по их поиску, установлению личности и возвращению на Родину занимают больше времени: межведомственная работа, в которой задействованы военные, дипломаты, спасатели, врачи, психологи, продолжается [При содействии Уполномоченного..., 2022]. Последний вывоз состоялся в июле 2022 г., когда в Россию вернулись 11 детей и подростков 5–17 лет. Всего с декабря 2018 г. по апрель 2022 г. состоялось 18 вывозных рейсов: в Россию из приютов, тюрем, лагерей Сирии и Ирака были возвращены 385 детей. При этом разыскиваются на Ближнем Востоке еще более 1,5 тыс. несовершеннолетних [Из Сирии вывезли..., 2022].

Усилия по вывозу из САР детей сопряжены с многочисленными противоречиями. В частности, даже с учетом того, что оказавшиеся в сирийском конфликте дети связаны с гражданами России, практический интерес России в этой области отсутствует: на сами операции по поиску, идентификации, вывозу тратятся ощутимые средства; серьезные сложности сопряжены с интеграцией (или ре-интеграцией) детей в российское общество как в психологическом, так и в образовательном, культурном плане, их медицинской реабилитации. Учитывая тюремную обстановку, условия в лагерях, потрясения войны, испытанные детьми, оказавшимися в зоне конфликта не по собственной воле, это существенный вызов. Кроме того, среди возвращающихся несовершеннолетних немало подростков 13–17 лет, некоторые из которых проходили в террористических лагерях военную подготовку и подвергались экстремистскому психологическому воздействию. Очевидно, что их социальная

адаптация потребует существенно больших усилий в более сжатые сроки. Неоднозначно может восприниматься также тот факт, что возвращение в Россию примкнувших к радикальным группировкам матерей (многие из которых отбывают наказание) не предусмотрено. Представляется, что проводимая работа важна прежде всего для родственников, которые становятся опекунами или попечителями вывезенных из САР детей российских граждан.

Такая деятельность демонстрирует приверженность России идее о важности каждого человека, готовность государства развивать инклюзивность в общественной сфере. Таким образом, чисто гуманитарный стимул осуществления вывоза из Сирии детей видится явно первичным, так как затраты на операции по вывозу с Ближнего Востока детей российских граждан существенны, в то время как сопоставимого российского интереса за этими действиями не просматривается. В имиджевом плане вопрос представляется весьма противоречивым с внутривосточной точки зрения и готовности общества принять вывезенных из конфликтных регионов детей, многие из которых подвергались радикальной индоктринации и могут восприниматься как социально неблагонадежные; в то же время масштабы проводимой работы не так велики, чтобы превратиться в весомый инструмент «мягкой силы» на международной арене.

Тем не менее, российский опыт вывоза детей из Сирии вызывает интерес за рубежом, ведь граждане (в том числе целыми семьями) многих стран поддались исламистской вербовке и отправились в САР. Так, некоторую заинтересованность в более пристальном ознакомлении с российским опытом проявлял Израиль, а также европейские страны: например, Бельгия, Франция. Несмотря на то, что данное направление является очень узким и может вызывать противоречивые оценки, оно способно стать для России дополнительной областью сотрудничества с третьими странами по сирийской тематике.

ВЫВОДЫ

Оказываемое Россией гуманитарное содействие носит ярко выраженный государственно-центричный характер. Это проявляется, во-первых, в том, что большая часть помощи оказывается через государственные структуры, во-вторых, в обязательном согласовании гуманитарных усилий с властями стран-реципиентов (последнее придает двойной вильсонизанский характер оказываемой Россией гуманитарной помощи), в-третьих, в активной направленности гуманитарных усилий не только на население иностранных государств, но и на собственных граждан, затронутых бедствиями за рубежом. Дефицит доверия к НПО и многосторонним структурам, ярко проявившийся в ходе сирийского кризиса и до 2015 г., и после начала российской военной операции в САР, подтверждает государственно-центричность российских гуманитарных усилий, а также определяет склонность России к двустороннему взаимодействию с другими государствами при оказании помощи.

Россия проявляет больше готовности к оказанию ситуативной помощи, нежели постоянной, что объясняется финансовыми соображениями, а также практической ориентированностью помощи: Россия гораздо больше склонна к оказанию осязаемой поддержки в виде вещей первой необходимости, продовольствия, транспортной и медицинской помощи, нежели к созданию подразделений гуманитарных организаций за рубежом, закреплению за собой постоянной донорской роли, которая предполагает также более четкое формулирование политики в гуманитарной области, к чему Россия на сегодняшний день не тяготеет.

Несмотря на то, что помощь населению САР Россия оказывала практически с самого начала конфликта, особую значимость (которая выразилась и в объемах помощи) гуманитарная ситуация в Сирии приобрела после ввода туда в 2015 г. российских вооруженных сил для противодействия терроризму. В то же время оказание Россией помощи сирийскому

населению в 2012–2015 гг. свидетельствует о том, что пребывание в стране российских войск явилось не первопричиной, а катализатором гуманитарных усилий. Сегодня Россия демонстрирует заинтересованность и в том, чтобы вносить вклад в постконфликтное восстановление САР, в том числе на гуманитарном направлении. В данном контексте гуманитарные усилия могут рассматриваться в качестве вспомогательного инструмента укрепления российско-сирийских отношений и стабилизации обстановки в САР.

Российская гуманитарная деятельность тесно связана с собственными гражданами: репатриация оказавшихся в зоне конфликтов россиян (в том числе в САР), как и возвращение людей на Родину во время пандемии COVID-19, стали масштабными векторами гуманитарной работы, направленной, впрочем, внутрь, а не вовне. Россия располагает уникальным опытом в отношении репатриации детей примкнувших к террористам российских граждан. Это случай – пример высокой значимости морального импульса и возможности применения инклюзивного подхода в государство-центричной гуманитарной деятельности. При этом потенциально работа по вывозу детей может представлять интерес в контексте международного сотрудничества на Ближнем Востоке и за его пределами.

Представляется, что на сегодняшний день работа на гуманитарном направлении лишь формируется в качестве инструмента российской «мягкой силы»: широкое освещение получила российская помощь в борьбе с COVID-19, иная помощь на двустороннем уровне также воспринимается позитивно. В то же время Россия не выстроила образ страны-донора и, как представляется, сейчас не стремится к этому: гуманитарные усилия носят лишь подкрепляющий, дополнительный характер, никогда не выступая в качестве фундамента отношений с другими государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Барановский В.Г. Россия: эволюция взглядов на «ответственность по защите». *Пути к миру и безопасности. Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах*. 2018. № 1 (54). С. 115–128 [Baranovsky V.G. Evolution of Russia's Approaches to the "Responsibility to Protect". *Pathways to Peace and Security. Special Issue. Humanitarian Challenges, Humanitarian Support and Human Protection in Armed Conflicts*. 2018. No. 1 (54). Pp. 115–128 (in Russian)].

Бартенев В.И. *Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками (доклад № 62)*. М.: Российский совет по международным делам, 2020 [Bartenev V.I. *International Assistance to the Middle East and North Africa: Managing the Risks (Report No. 62)*. Moscow: Russian Council on International Affairs, 2020 (in Russian)].

Вавилина Д. Россия возвращает своих детей из тюрем Ирака: пример для других стран? *ТАСС*. 18.11.2019 [Vavilina D. Russia Returns its Children from Iraq's Prisons: An Example for Other Countries? *TASS*. 18.11.2019. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7145851> (accessed: 12.09.2022) (in Russian)].

Вавилов А.И. Сирия – трудный путь к миру. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2021. Вып. 3 (844). С. 9–30 [Vavilov A.I. Syria on a Difficult Road to Peace. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2021. Vol. 3 (844). Pp. 9–30 (in Russian)].

Громогласова Е.С. *Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования*. М.: ИМЭМО РАН, 2018 [Gromoglasova E.S. *Humanitarian Diplomacy in Contemporary International Relations: A Systematic Research*. Moscow: IMEMO RAS, 2018 (in Russian)].

Иванов И. Благими намерениями вымощена дорога в ад. *PCMД*. 19.08.2014 [Ivanov I. The Road to Hell is Paved with Good Intentions. *RIAC*. 19.08.2014. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/blagimi-namereniyami-vymoshchena-doroga-v-ad/?sphrase_id=90381743 (accessed: 17.09.2022) (in Russian)].

Из Сирии вывезли 11 российских детей. *Интерфакс*. 22.07.2022 [11 Russian Children were Taken out of Syria. *Interfax*. 22.07.2022. <https://www.interfax.ru/world/853362> (accessed: 17.09.2022) (in Russian)].

Как авиация МЧС России тушила пожары за рубежом. *TACC*. 31.07.2021 [How the Aviation of the Ministry of Emergency Situations of Russia Extinguished Fires Abroad. *TASS*. 31.07.2021. <https://tass.ru/info/12032533> (accessed: 12.09.2022) (in Russian)].

Концепция внешней политики 2016 г. (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). *МИД России*. 01.12.2016 [Foreign Policy Concept 2016 (Approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on November 30, 2016). *Russian Foreign Ministry*. 01.12.2016. http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptICk6B6Z29/content/id/2542248 (accessed: 15.09.2022) (in Russian)].

Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию (утверждена указом Президента Российской Федерации 20 апреля 2014 г. № 259). *Министерство финансов РФ* [The Concept of the Russian Federation's Participation in the Promotion of International Development (Approved by Decree of the President of the Russian Federation on April 20, 2014, No. 259). *Ministry of Finance of the Russian Federation*. https://minfin.gov.ru/ru/performance/international/development/?id_65=65791-kontsepsiya_gosudarstvennoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_v_sfere_sodeistviya_mezhdunarodnomu_razvitiyu (accessed: 12.09.2022) (in Russian)].

Киторова Е.М. Ливано-израильская война 2006 г. Ее истоки и последствия. *Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика»*. 2009. № 13. С. 152–163 [Kitorova E.M. Lebanon-Israeli War of 2006. Its Origins and Consequences. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Oriental and African Studies"*. 2009. No. 13. Pp. 152–163 (in Russian)].

Матвеев И.А. Пандемия коронавируса в Сирии: субъективный фактор объективного кризиса? *РСМД*. 27.10.2021 [Matveev I.A. Coronavirus Pandemic in Syria: a Subjective Factor of an Objective Crisis? *RIAC*. 27.10.2021 (in Russian)]. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pandemiya-koronavirusa-v-sirii-subektivnyy-faktor-obektivnogo-krizisa/> (accessed: 12.09.2022).

Матвеев И.А. Будущее Сирии можно выстроить по российской матрице безопасности. *Взгляд*. 21.02.2022 [Matveev I.A. The Future of Syria can be Built According to the Russian Security Matrix. *Vzglyad*. 21.02.2022. <https://vz.ru/opinions/2022/2/21/1144761.html> (accessed: 17.09.2022) (in Russian)].

Миллионы на Асада: сколько потратила Россия на гуманитарную помощь Сирии. *РБК*. 30.09.2015 [Millions for Assad: How much Russia Spent on Humanitarian Aid to Syria. *RBC*. 30.09.2015. <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2015/560b96079a794755de950fe8> (accessed: 16.09.2022) (in Russian)].

На авиабазе Хмеймим начал работу Координационный центр по примирению враждующих сторон на территории Сирии. *Министерство обороны РФ*. 24.02.2016 [The Coordinating Center for the Reconciliation of the Warring Parties in Syria Began its Work at the Khmeimim Airbase. *Ministry of Defence of the Russian Federation*. 24.02.2016. https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12079277@egNews (accessed: 12.09.2022) (in Russian)].

Надыкто О. Совет Федерации единогласно одобрил использование войск в Сирии. *РБК*. 30.09.2015 [Nadykto O. The Federation Council Unanimously Approved the Use of Troops in Syria. *RBC*. 30.09.2015. <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2015/560b951e9a794749375f4bcf> (accessed: 12.09.2022) (in Russian)].

Патент недели: Российские ученые спасают мир от Эболы. *Роспатент*. 04.04.2016 [Patent of the Week: Russian Scientists Save the World from Ebola. *Rospatent*. 04.04.2016. <https://rospatent.gov.ru/ru/news/2016-04-04-ebola> (accessed: 17.09.2022) (in Russian)].

Петухова Л. Щедрая душа: сколько Россия тратит на помощь другим странам. *Forbes*. 26.11.2018 [Petukhova L. A Generous Soul: How Much Russia Spends on Helping Other Countries. *Forbes*. 26.11.2018. <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/369599-shchedraya-dusha-ckolko-rossiya-tratit-na-pomoshch-drugim-stranam> (accessed: 12.09.2022) (in Russian)].

«Полный разгром»: Россия объявила об окончательной победе над ИГ в Сирии. *РИА Новости*. 06.12.2017 [“Total Defeat”: Russia Announced the Ultimate Victory over ISIS in Syria. *RIA Novosti*. 06.12.2017. <https://ria.ru/20171206/1510372695.html> (accessed: 16.09.2022) (in Russian)].

При содействии Уполномоченного при Президенте по правам ребенка в Россию из Сирии вернулись десять детей. *Президент России*. 15.04.2022 [Ten Children Returned to Russia from Syria With the Assistance of the Presidential Commissioner for Children's Rights. *President of Russia*. 15.04.2022. <http://kremlin.ru/events/administration/68239> (accessed: 15.09.2022) (in Russian)].

Резолюция S/RES/1973 (2011). *Совет безопасности ООН*. 17.03.2011 [Resolution S/RES/1973 (2011). *UN Security Council*. 17.03.2011. <https://www.un.org/securitycouncil/res/1973-%282011%29> (accessed: 12.09.2022) (in Russian)].

Россия доставила в Сирию более 1,6 тыс. тонн гуманитарной помощи. *Большая Азия*. 17.11.2021 [Russia Delivered More than 1 600 Tons of Humanitarian Aid to Syria. *Big Asia*. 17.11.2021. <https://bigasia.ru/content/news/society/rossiya-dostavila-v-siriyu-bolee-1-6-tys-tonn-gumanitarnoy-pomoshchi/> (accessed: 16.09.2022) (in Russian)].

Россия назвала поставки гумпомощи ООН ущемлением суверенитета Сирии. *РБК*. 29.11.2017 [Russia Called the Supply of UN Humanitarian Aid an Infringement of the Sovereignty of Syria. *RBC*. 29.11.2017. <https://www.rbc.ru/politics/29/11/2017/5a1eec839a7947143e6e4e5f> (accessed: 05.09.2022) (in Russian)].

РФ использовала в СБ ООН право вето по резолюции Запада о помощи в Сирии. *Известия*. 08.07.2022 [The Russian Federation Vetoed the West's Resolution on Assistance in Syria in the UN Security Council. *Izvestia*. 08.07.2022. <https://iz.ru/1362074/2022-07-08/rf-ispolzovala-v-sb-oon-pravo-veto-po-rezoliutcii-zapada-o-pomoshchi-v-sirii> (accessed: 16.09.2022) (in Russian)].

Степанова Е.А. Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте «ответственности по защите»). *Пути к миру и безопасности. Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах*. 2018. № 1(54). С. 129–181 [Stepanova E.A. Russia's Humanitarian Role in the Conflicts in Donbass and Syria (in the context of "responsibility to protect"). *Pathways to Peace and Security. Special Issue. Humanitarian Challenges, Humanitarian Support and Human Protection in Armed Conflicts*. 2018. No. 1 (54). Pp. 129–181 (in Russian)].

Ходынская-Голенищева М.С. *Сирия: трудный путь от войны к миру. Многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования*. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2019 [Khodynskaya-Golenishcheva M.S. *Syria: A Difficult Path From War to Peace. Multilateral Diplomacy of Syrian Conflict Settlement*. Moscow: OLMA-PRESS, 2019 (in Russian)].

Шайымбетова Ж.К. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право. *Московский журнал международного права*. 2009. № 3. С. 62–78 [Shaiymbetova J.K. The Concept of Humanitarian Intervention and Applicable International Law. *Moscow Journal of International Law*. 2009. No. 3. Pp. 62–78 (in Russian)].

Шакиров О. Из России с любовью: кому и зачем мы помогаем бороться с пандемией. *Forbes*. 22.05.2020 [Shakirov O. From Russia with Love: Whom and Why we are Helping to Fight the Pandemic. *Forbes*. 22.05.2020. <https://www.forbes.ru/obshchestvo/401093-iz-rossii-s-lyubovyu-komu-i-zachem-my-pomogaem-borotsya-s-pandemiei> (accessed: 17.09.2022) (in Russian)].

Barnett M. Humanitarianism Transformed. *Perspectives on Politics*. 2005. No. 3(4). Pp. 723–740.

Briefing Security Council, Secretary-General Implores Members to Reach Consensus on Extending Cross-border Humanitarian Aid Deliveries into Syria. *UN*. 23.06.2021. <https://www.un.org/press/en/2021/sc14559.doc.htm> (accessed: 16.09.2022).

Legal Briefing – July 2020. *Syrian Law Journal*. 01.08.2020. <https://www.syria.law/index.php/legal-briefing-july-2020/> (accessed: 16.09.2022).

Robinson J. Five years of Russian aid in Syria proves Moscow is an unreliable partner. *The Atlantic Council*. 08.06.2021. <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/five-years-of-russian-aid-in-syria-proves-moscow-is-an-unreliable-partner/> (accessed: 17.09.2022).

Rodenhäuser T. *Organizing Rebellion: Non-State Armed Groups under International Humanitarian Law, Human Rights Law, and International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Stoddard A. *Humanitarian NGOs: Challenges and trends*. London: Overseas Development Institute, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАХОМОВА Дарья Андреевна – соискатель
Кафедры дипломатии МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Daria A. PAKHOMOVA, Postgraduate student,
Diplomacy Department, MGIMO University of
International Relations, Moscow, Russia